

КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 930

**ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЕ НАВАЖДЕНИЕ. О КНИГЕ
А.В. САВЕЛЬЕВА «НЕОБЫЧНАЯ КАРЬЕРА АКАДЕМИ-
КА А.М. ПАНКРАТОВОЙ» (М.: ПРОГРЕСС-ТРАДИЦИЯ,
2012. 1000 ЭКЗ. 432 С. С ИЛЛ.)**

В. П. Булдаков

Российская академия наук, институт Российской истории

Ключевые слова: академик А. М. Панкратова, академик П. В. Волобуев, А. Л. Сидоров, сталинизм, «новое направление» в историографии.

О непростой судьбе историка Анны Михайловны Панкратовой (1897 – 1957) можно было бы написать поучительную книгу в серии «Жизнь замечательных людей». Бывшая эсерка, затем большевичка-подпольщица достигла наивысших научных и партийных почестей – стала академиком и членом ЦК КПСС. Но можно, как выясняется, и сочинить нечто совсем иное.

Современного российского читателя не удивишь «разоблачительными» публикациями. Но чтобы по подобному лекалу была написана работа на историографическую тему – это, казалось, нечто невероятное.

Об «историке КПСС» А. В. Савельеве вряд ли кто-нибудь слышал. Теперь услышат. Но не надо думать, что он сосредоточился на научных заслугах покойной А. М. Панкратовой или, как явствует из аннотации, на «более объективных статусных характеристиках профессиональных советских историков, живших и работавших в те годы...» Эта объемистая книга, на-

званная автором «правдивой» (все остальные, должно быть, врут!), посвящена описанию того, как злые ретрограды изводили Анну Михайловну, обладавшую «уникальным морально-нравственным и интеллектуальным обликом». Она же, со своей стороны, осуществляла «статусную защиту» (с. 11–12, 65), используя при этом всевозможные уловки. В числе таковых отмечается «показное сотрудничество» со своими научными недругами (с. 68), а также искусство «показным образом “раскаиваться” в нужный момент» (с. 78). В её арсенале, кроме того, наличествовали умение «использовать подставных фигур» (с. 151), лавировать на «противоречиях партийной политики» и даже «выступать формально как историк-цензор» (с. 83). На фоне восторженного преклонения перед фигурой Панкратовой звучит странновато.

С некоторых пор у нас расцвёл удивительный жанр – «историография без истории». Об исторической науке, закономерностях её

развития судят «специалисты», имеющие смутное представление о реалиях прошлого. В рамках такого, с позволения сказать, дискурса рано или поздно должен был появиться представитель особого жанра. Если ранее историография тяготела к превращению в агиографию, то в данном случае налицо «историографическое шельмование» многочисленных врагов Панкратовой.

Будем откровенны: в советские времена всем обществоведам, кроме догматиков, приходилось притворяться ортодоксами марксизма-ленинизма. Некоторым это давалось легко, у других выворачивало душу. И надо бы оценивать их вклад в науку за то, что им удавалось сделать *вопреки* известного рода трудностям и препонам. Но некоторые «историографы» предпочитают другое – роль запоздалых плакальщиц и непрошенных «мстителей».

Книга распадается на несколько частей: собственно биография Панкратовой, документы, в том числе и архивные, иллюстрации, жизненный путь автора – Савельева, список участников историографического действия. Сразу замечу: прилагаемые документы постоянно опровергают придумки Савельева, однако он настолько свято верит в непорочный образ своей героини, что ему не до «мелочей».

Чтобы писать биографическую работу, надо всё же представлять исторический фон, на котором разворачивались судьба главного героя. С первых страниц книги видно, что автор истории не знает. К примеру, политические события на

Украине в 1917 г. представлены столь искаженно, что на таком фоне не могли не произрасти фантазии. Оказывается, что Панкратова уже тогда привыкла маскировать свои истинные (куда более благородные, чем требовало окружение?) намерения (с. 21–22). Вероятно, это надо понимать так, что Панкратова «притворилась» большевичкой. Из последующего текста вообще невозможно понять, в какой обстановке развёртывается цепь интриг вокруг неё – то ли в условиях сталинской диктатуры и хрущевской «оттепели», то ли на страницах плутовского романа.

Панкратова, как утверждает Савельев, не раз проявляла «гнилой либерализм», причём этому идеологическому клише прошлых лет он придаёт позитивную – либеральную в современном смысле слова – коннотацию (с. 33). Помимо этого «достоинства» она отличалась «неортодоксальностью» (хотя в 1936 г. публично отреклась от мужа-«троцкиста» (с. 31). Если верить автору, то Панкратова даже практиковала своего рода двоемыслие (с. 35). В общем, получается, что она была много лучше людей своего времени, но умело скрывала истинные достоинства своей души.

С позиций современной морали такие построения выглядят не очень вдохновляюще. Однако автора это не смущает – по его представлениям, иначе вести себя в тогдашней обстановке было нельзя. В чем-то он прав. Сталинская система не могла существовать без периодических актов «покаяния», «критики» и «самокритики». Надо

заметить, что на этом фоне Панкратова отличалась искренностью, страстностью и готовностью взять на себя непосильную ношу. Именно эти качества вознесли её на вершину научной и партийной карьеры, но из-за них же она рано ушла из жизни. Но Савельев трактует её судьбу проще: оказывается её затравили чиновники и лжеисторики. Среди таковых центральное место занимал директор Института истории АН СССР А. Л. Сидоров и его «школа». Последнюю со временем возглавил П. В. Волобуев – будущий академик и тоже директор Института истории СССР АН СССР.

Что и говорить, советская система не допускала существования людей «безгрешных». К тому же Сталин постарался связать членов своей партии круговой порукой. Так, по свидетельству А. С. Черняева, Волобуеву пришлось поучаствовать в борьбе с «космополитами», хотя «он этому указанию следовал не очень “аккуратно” – только уж когда не вмоготу, когда неоднократно сверху указывали на того или иного профессора, доцента, претендента в аспирантуру». Даже Сидоров, имевший репутацию гонителя космополитов, то и дело сдерживал пыл антисемитов¹. Вряд ли Панкратова могла остаться в стороне от этого идеологического ритуала. Но автор отказывается верить в подобное.

Между прочим, «критика и самокритика» тех времен не только не исключала клановой борьбы, но и придавала ей особую напряжён-

ность и остроту. Историкам велено было поклоняться «божеству» классового «прогресса», но характеристики формационного движения в светлое будущее задавал сам «вождь». За его «мудрыми указаниями» не все успевали, а когда его не стало, и вовсе возникли «неувязки». Иначе и быть не могло, ибо уследить за «линией партии» было непросто.

Несомненно, Панкратова со всем пылом души занялась изучением российского пролетариата, причём начала это изучение «снизу» – от фабзавкомов. В условиях, когда предреволюционная и советская история стала писаться «сверху» – как результат мудрого руководства большевистской партии – это само по себе было небезопасно. Разгон группы по истории промышленности и рабочего класса в середине 1930-х гг. мог быть связан вовсе не с особой «независимостью» Панкратовой или её «небольшевистским» прошлым (с. 36–37). Она пыталась писать историю с привлечением рабочих, тогда как теперь следовало оглядываться на иные «авторитеты».

Впрочем, Савельеву не до идеологических особенностей времени, в котором действовала его героиня. То, что он предлагает, можно назвать историографией «навыворот». Так, одним из достижений Панкратовой он считает то, что она «критиковала политические и философские взгляды своего любимого учителя» (М. Н. Покровского), но зато не трогала его историческую концепцию, причём в решении столь своеобразной задачи прибегала к «эзоповой речи». Тут же приводится образец послед-

¹ Черняев А. С. Моя жизнь и мое время. М., 1995. С. 204–205.

ней: «Исторические журналы были использованы как трибуна негодяями из шпионско-вредительской банды лжеисториков». Звучит жутковато, но не для Савельева. Оказывается, Панкратова, «используя идеологическую демагогию», всё же не называла конкретных имен (с. 50–51). В её арсенале преобладал «показной идеологический конформизм» (с. 64). Всё «показное»! А это – громадное достижение!

Без показухи у нас действительно трудно. Но зачем превращать нужду в добродетель?

Из подборки приведённых Савельевым цитат биограф, относящийся к Панкратовой отрицательно, мог бы написать книгу о том, как она двигалась к вершине партийно-научной карьеры, активно работая локтями. На деле было проще: сталинская система была устроена таким образом, что перманентный дефицит надёжных кадров восполнялся их постоянной перетасовкой. И в этот процесс, порождающий «на историческом фронте» постоянные стрессы, неизбежно втягивались все способные авторы. Панкратова не составляла исключения.

Согласно Савельеву, Панкратову в 1950-е гг. едва не «погубили» П. В. Волобуев и А. С. Черняев – историки и вместе с тем начинающие функционеры идеологического аппарата ЦК КПСС. Действительно, работа в этом ведомстве предполагала выполнение известного рода карательных функций. В 1954 г. на руководство журнала «Вопросы истории» во главе с академиком А. М. Панкратовой и её

заместителем Э. Н. Бурджаловым стал поступать поток «сигналов». Охранители сталинского пошиба приписывали журналу не только стремление «опорочить» почившего «вождя», но и реабилитировать Л. Д. Троцкого. Волобуев и Черняев, по их же позднейшим признаниям, «переусердствовали». Первый даже признал, что он был в то время «дремучим догматиком»². Второй вспоминал об этой истории с не меньшей долей самокритики³. Однако в своё время сработал механизм, запущенный отнюдь не ими. Черняев утверждает, что к постановлению ЦК КПСС о журнале «Вопросы истории», появившемся в марте 1957 г., ни он, ни Волобуев прямого отношения не имели – Отдел пропаганды ЦК воспользовался их *старой* запиской. Сами же они к тому времени, скорее всего, считали бы её устаревшей⁴. Тем не менее Савельев подчёркивает, что Черняев в интервью с ним поспешил перевести стрелки на Волобуева (с. 394). Автор книги обладает уникальным умением навязывать событиям прошлого inferнальную логику: враги Анны Михайловны – настолько злобные существа, что им мало жертвы в лице выдающегося историка, они непрерывно поедают друг друга.

Примечательно, что даже сын Бурджалова усомнился, что с его отцом расправился именно Воло-

² Интервью с академиком Павлом Васильевичем Волобуевым // Академик П. В. Волобуев. Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. М., 2000. С. 25–27.

³ Черняев А. С. Указ. соч. С. 223–224.

⁴ См.: Интервью с академиком Павлом Васильевичем Волобуевым. С. 27–28.

буев. Похоже, у него вызвала недоумение и вся «концепция» Савельева (с. 396). Последнего подобного рода сомнения не смущают. Он твердо убеждён, что Панкратову травили буквально все люди, так или иначе связанные со «школой» Сидорова. В лице последнего он обнаружил настоящего демона исторической науки.

Строго говоря, тональность сочинения Савельева словно переносит нас в 1930-е гг., когда поиски «врагов» приобрели контагиозный характер. Ясно, что этим процессом было легко дирижировать. И хотя после смерти Сталина ситуация стала меняться, историки «прозревали» отнюдь не синхронно. Идеологические конфликты делались неизбежны.

В чем же главная заслуга Панкратовой, по мнению Савельева? Из его книги следует, что именно она явилась родоначальником подлинного «нового направления» в исторической науке, в отличие от лже-«нового направления», возглавляемого не П. В. Волобуевым (как принято считать по сей день), а его учителем А. Л. Сидоровым. Чем же, по мнению Савельева, отличался «оригинал» от подделки?

Во-первых «демократизмом», который выражался в «максимальном организационном и тематическом дистанцировании от академического влияния» (с. 186). Согласно Савельеву, сторонники Сидорова намеренно концентрировали всё в своих руках, «монополизировав» исследовательскую тематику. Однако нельзя не заметить, что для прорыва в исторических исследованиях требуется не только определение первостепенной задачи, но

и наличие мощного «мозгового центра», который вряд ли можно было создать в те времена на вузовской кафедре.

Во-вторых, «школа» Сидорова страдала «узостью» тематики исследований, концентрируясь на проблемах российского империализма и пользуясь «туманной» методологией (с. 190). Но разве не ясно, что «превзойти» сталинизм можно было лишь сосредоточившись на источниковедческой проработке его узловых постулатов? Позднее Волобуев вспоминал слова своего учителя Сидорова: «Вы не станете историком без работы в архивах»⁵. Однако Савельев считает иначе: «... источники никогда не были душой истории», «... её душа – это её философский фундамент, её методология» (с. 382–383). Не напоминает ли это о тех днях, когда иерархию «источников» непременно возглавляли произведения Сталина, а затем Ленина?

В-третьих, в отличие от Панкратовой, чья деятельность была пронизана «глобализмом» и «интернационализмом», «школа» Сидорова не планировала совместных с зарубежными учёными исследовательских проектов (с. 190). Разумеется, автор не поясняет, как можно было в то время вести совместную работу с теми, кого называли «буржуазными фальсификаторами».

В-четвёртых, Савельев утверждает, что «сидоровцы» занимались наукой исключительно в целях саморекламы. Он даже обвиняет

---

⁵ Цит. по: Марквик Р. П. В. Волобуев и историки «нового направления» // Академик П. В. Волобуев. С. 496.

ет в этом К. Н. Тарновского (с. 190), многозначительно напоминая, что его диссертацию на историографическую тему ВАК не утвердил за отступления от марксистско-ленинской методологии. Тарновский считался главным теоретиком «нового направления». Его идеи о «многоукладности» капиталистического развития России (что, естественно, соответствовало взглядам Ленина) никак не укладывались в сталинские представления о «строительстве социализма в одной, отдельно взятой стране». Читая Савельева, поневоле приходишь к выводу, что сталинские приёмы шельмования оппонента живы до сих пор.

В-пятых, оказывается, что лже-«новое направление», особенно при Волобуеве, стали раздирать внутренние конфликты (с. 191–192). Но, как известно, без конфликтов не бывает движения научной мысли. С другой стороны, далеко не все историки выдерживали нападки «сверху» и откалывались от «нового направления». А главное, те, кого Савельев именует «новонаправленцами», никогда не претендовали на монолитное единство своих рядов (что, между прочим, хорошо видно из текстов приводимых самим Савельевым научных дискуссий (с. 187–189).

Известный историк-диссидент А. Некрич отмечал, что «ахиллесовой пятой Волобуева был его профессионализм». В силу этого он не мог не прийти в столкновение с официальными воззрениями «историков» КПСС. При этом он отнюдь не стремился к ниспровержению марксистско-ленинского учения.

Ему казалось, что он может позволить себе «всерьёз бороться одновременно против догматизма и т. н. ревизионизма»⁶. В сущности, Волобуев не заметил, что подрывает «непоколебимые» идеологические устои КПСС. В этом он повторил судьбу Анны Михайловны.

В общем, получается, что питомцы «школы» Сидорова, особенно Волобуев, – не только «псевдо-историки», но и настоящие ретрограды. Но как объяснить тот факт, что с конца 1965 до начала 1968 г. в Институте истории РАН, возглавляемого Волобуевым, действовали два «мятежных» парткома, добивавшихся радикальной десталинизации исторической науки? Они возглавлялись выдающимся аграрником В. П. Даниловым⁷, с которым Волобуев сохранял дружеские отношения до конца жизни.

В чём же основной порок «школы Сидорова», эстафету которого, оказывается, принял сначала академик И. И. Минц (вскоре, если верить автору, подмявший Сидорова под себя), а затем П. В. Волобуев? Согласно Савельеву, «представители этого направления пытались осмыслить предпосылки Октябрьской революции 1917 г. в рамках вполне традиционных советских идеологических схем» (с. 193). Интересно, а что можно было предложить в тех условиях взамен этих

⁶ Некрич А. М. Отрешись от страха. Воспоминания историка. London, 1979. С. 339–340.

⁷ Вылцан М. А., Данилова Л. В. Из истории Института истории АН СССР // На фронте истории Гражданской войны: Памяти Василия Дмитриевича Поликарпова: сб. ст. и док. М., 2009. С. 458–459, 460–462.

схем? Как видела эти предпосылки сама Панкратова? Как видит их, наконец, сам Савельев? Развитие исторической мысли всегда происходит сложно, подчас причудливо. Об этом из книги мы ничего не узнаем. Повторимся – налицо «историография без истории». Иначе и быть не могло, ибо Савельев с головой ушел в перебирание грязного околонуучного белья.

Поражает, как Савельев смакует расправу над Волобуевым и сторонниками – реальными и мнимыми – «нового направления»: академика превратили в старшего научного сотрудника Института истории естествознания и техники АН СССР, К. Н. Тарновского определили в сектор исторической географии Института истории СССР, И. Ф. Гиндина «попросту отправили на пенсию» (с. 205).

Лично я помню идеологическую атмосферу тех лет. Помню, как происходил разгром «нового направления». Здесь было всё: злоба, подсиживания, огульная критика «школы Волобуева». О Панкратовой никто не вспоминал. И уж конечно никто не ставил в вину тогдашнему члену-корреспонденту АН СССР П. В. Волобуеву былую «расправу» над журналом «Вопросы истории». Судили людей, осмелившихся бесстрашно посягнуть на сталинские догмы, тогда как основная масса историков боязливо застряла между прошлым и будущим. Работы Волобуева и представителей «нового направления» не устарели по сей день. А что останется от Савельева, взявшего судить их деяния по более чем сомнительным меркам?

Не случайна терминология, которой пользуется Савельев: историк-ортодокс, историк-фальсификатор, псевдоисторик, администратор, дилетант, графоман. В конце книги можно обнаружить своего рода проскрипционный список «врагов» А. М. Панкратовой. Включены туда даже «реаниматоры» новонаправленчества вроде меня, бывшего в своё время заместителем П. В. Волобуева по Научному совету РАН по истории революций. Спасибо, конечно, но только я этой чести, увы, не заслужил.

Вообще-то в историографических работах принято сравнивать те или иные концепции, идеи, гипотезы, подходы, приводить те или иные научные доводы. Или хотя бы цитировать труды критикуемых авторов. Ничего этого у Савельева нет. В его книге постоянно и более чем произвольно воспроизводятся и ложно интерпретируются дневники и воспоминания «воюющих» против Панкратовой (и между собой!) авторов. Учёное сообщество предстает настоящими «пауками в банке».

Стоило бы Савельеву и в «святцы» заглядывать. А то в тексте (с. 258) упоминается историк А. И. Гуковский, а в конце книги (с. 405 – 406) воспроизводится послужной список совсем другого человека – М. А. Гуковского, известного искусствоведа, не имевшего никакого отношения к Панкратовой. Неужели автор рассчитывает, что после таких «ляпов» к его писаниям профессиональные историки будут относиться серьёзно?

Имеется в книге особый раздел (вместо послесловия) о «людях, по-

вливающих на замысел и содержание книги о А. М. Панкратовой». В действительности это рассказ «о себе, любимом» – жертве всевозможных притеснений (на деле ограничивающихся масштабами кафедры истории КПСС). Заключается эта печальная повесть примечательной фразой: «Я с благодарностью приму любую критику, хотя, просмотрев ещё раз содержание книги, вижу, что она написана недурно» (с. 397). Интересно, кто согласится с подобной оценкой? У всякого нормального человека вызовут настоящую брезгливость некоторые «портреты» недругов (на сей раз не Панкратовой, а Савельева), включая представительниц прекрасного пола. Но это уже не удивляет, ибо по прочтении книги становится ясно, что автор всё ещё пребывает в затхлой идейной атмосфере брежневского «застоя».

Разумеется, в книге можно найти и кое-что представляющее интерес (пусть преимущественно обывательский). Впечатляет описание атмосферы тотального доносительства на одной из кафедр истории КПСС – это напоминает (учитывая, что автор, как обычно, сгущает краски) своего рода микрокосм советской системы (с. 373–384). Но уделяя столь пристальное внимание тому, что сказалось на личной судьбе, автор вольно или невольно становится на одну доску с критикуемыми им идеологами коммунистической системы. А если так, то возникает вопрос: не является ли всё написанное Савельевым продолжением тех самых околонучных дрызг, которые он столь подробно обсуждает?

Слов нет, положение дел в вузовских общественных науках и поныне далеко от совершенства. В прошлом ситуацию определял начальственный диктат, ныне чиновники, которые требуют от вузовских преподавателей весомых научных достижений и одновременно бездумно повышают преподавательскую нагрузку. Всё это – печать времени, отбирающего своих «победителей» и «неудачников». Но стоит ли возводить собственные болячки в общественную трагедию? Характерно, что имеется совершенно иное описание положения дел на той же кафедре⁸, на что указывает сам Савельев (что сделало бы ему честь, если бы он тут же не обгадил его автора (с. 377–380). Читатель вправе усомниться: не движет ли им обыкновенная зависть к более успешным коллегам?

Создается впечатление, что Савельев настолько поглощён своими реальными и мнимыми несчастьями, что в лице Панкратовой выстроил нечто вроде собственного *alter ego*, а нравы кафедры истории КПСС, на которой ему не повезло, перенёс на всё научное сообщество. Историком следует быть более проницательным, уравновешенным и стойким. Автор этими качествами не обладает, его больше вдохновляет амплуа гонимого (советская система постоянно порождала «добровольных изгоев»). Это ставит под сомнение «правдивость» его труда.

И последнее. Возникает вопрос: стоит ли обращать внимание на эту «липкую» книгу? Чего до-

⁸ См.: Киселев А. Ф. Кафедра. Профессорские розы. М., 2006.

бился автор: извратил память о людях, которыми можно восхищаться и сочувствовать одновременно. Представляется, что новое поколение историков должно знать, какими нелепыми и при этом весьма

отдалёнными последствиями обрачивается идеологический диктат в обществоведении. Это необходимо хотя бы в порядке профилактики от попыток начальственных расправ над нашим прошлым.

Список литературы:

1. *Вылцан М. А., Данилова Л. В.* Из истории Института истории АН СССР // На фронте истории Гражданской войны: Памяти Василия Дмитриевича Поликарпова: сб. ст. и док. М., 2009.
2. *Некрич А. М.* Отрешись от страха. Воспоминания историка. London, 1979.
3. *Черняев А. С.* Моя жизнь и мое время. М., 1995.
4. *Киселев А. Ф.* Кафедра. Профессорские розы. М., 2006.

REVIEW: HISTORIOGRAPHICALLY OBSESSION. ABOUT THE BOOK A. SAVELYEVA UNUSUAL ACADEMIC CAREER AM PANKRATOV (MOSCOW: PROGRESS-TRADITION, 2012. 1,000 COPIES. 432 PP. WITH ILLUSTRATIONS.)

V. P. Buldakov

Russian Academy of Sciences, the Institute of Russian History

Keywords: *academician A.N. Pankratova, academician P.V. Volobuev, A.L. Sidorov, Stalinism, "new direction" in historiography.*

Об авторе:

БУЛДАКОВ Владимир Прохорович – Российская академия наук, институт Российской истории, доктор исторических наук, e-mail: kuroneko@mail.ru

About the authors:

BULDAKOV Vladimir Prokhorovich – Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher, Russian Academy of Sciences, the Institute of Russian History, (117036, Moscow, Dmitry Ulyanov Str., 19), e-mail: kuroneko@mail.ru

References

- Vyltsan M. A., Danilova L. V. Iz istorii Instituta istorii AN SSSR // Na fronte istorii Grazhdanskoi voiny: Pamyati Vasiliya Dmitrievicha Polikarpova: sb. st. i dok. M., 2009.
- Nekrich A. M. Otreshis' ot strakha. Vospominaniya istorika. London, 1979.

Chernyaev A. S. Moya zhizn' i moe vremya. M., 1995.

Kiselev A. F. Kafedra. Professorskie rozy. M., 2006.

Статья поступила в редакцию 19.02.2013